

18+

Елена Кордон

Ее уже никто не ждал

Чтение для нежесточенных сердец

Елена Кордон
Ее уже никто не ждал. Чтение
для нежесточенных сердец

<https://litres.ru/74143557>

ISBN 9785006984066

Аннотация

Говорят, что настоящее счастье приходит через боль и преодоление, а семья — это не только кровные узы, но и выбор сердца.

Этот сборник трогательных историй о любви, потерях и возрождении. Если вы верите, что после самой темной ночи всегда наступает рассвет, если цените истории о настоящей любви, верности и силе человеческого духа — эта книга для вас. Она заставит вас сопереживать, плакать, улыбаться и верить в чудо.

Содержание

Ее уже никто не ждал	5
Я сделаю это за нас	27
Когда умирает любимый	27
В самом начале	33
И в горе и в радости	40
Самостоятельная жизнь	44
Вот и благословили	47
Роза и Сергей	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Ее уже никто не ждал
Чтение для
неожесточенных сердец**

Елена Кордон

© Елена Кордон, 2026

ISBN 978-5-0069-8406-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ее уже никто не ждал

Громким взрывом хлопнула входная дверь. В тишине подъезда раздался звук шагов Ивана. Он убегал от неудавшейся семейной жизни и от плачущей на коврике в прихожей Миры. Десять лет совместного проживания должны были кануть в лету. Он так решил. Мира не хотела его отпускать, но и удерживать не стала. Мирослава посмотрела в зеркало, вытерла слезы, накинула куртку и выскользнула прочь.

В доме было тихо, шумный днем подъезд засыпал, медленно следуя в темную, осеннюю ночь. На улице царил октябрьская прохлада, а ветер гонял по дорожкам последние опавшие листья. Еще немного и ноябрь. Мира вышла на улицу, и отправилась, куда глаза глядят.

Тишину спящего города нарушил не то вой, не то скуление. Девушка двинулась в направлении жалобного плача. Недалеко от магазина, у столба девушка заметила привязанную собаку. Она тихо сидела у дерева и, как бы стесняясь, подвывала. Мира вспомнила, что видела эту псину с утра, неужели она тут до сих пор сидит. Или от неё таким образом избавились.

Собака была беременна и голодна. Увидев девушку, псина не поднялась, а только опустила голову на лапы, из собачьих глаз покатались слезы. Мира попыталась подойти поближе, но не смогла. Собака рычала и кусалась. Девушка села на

бордюр поодаль и задумалась.

Вот рядом сидит брошенное кем-то существо. Ни она, ни ее кутята никому не нужны. А Миру муж оставил, потому что за десять лет она не смогла родить ребенка. Как причудливы капризы судьбы. В кармане блямкнул мобильник. «Мегафон» сообщил о ежемесячном списании средств. Мира нашла контактный телефон клиники для животных и позвонила ветеринару, что лечил когда — то ее кошку.

Андрей Леонидович не спал, дежурил и обещал прислать на место знакомого кинолога. Мира просидела рядом с собакой, пока не приехал Пашка — внештатный работник собачьего приюта. Мирослава, наконец, рассмотрела новую знакомую. Это было нечто похожее на таксу, готовое прямо сейчас разродиться, но непонятно чего ждавшее. Сколько собака просидела на улице — одному Богу известно. Паша покормил страдалицу, смог отвязать, а потом взял на руки и бережно положил в машину. По дороге он доставил Миру домой и, проводив до квартиры, направился в собаче-кошачью больницу.

Дома было пусто, но ощущение, что сделано доброе дело, согревало Миру. Она радовалась, что смогла помочь кому-то более несчастному, чем она. В завершении перевела солидную сумму на лечение таксомамы и попросила ветеринара сделать все возможное, чтобы спасти несчастное животное.

Мирославе снился сон. Она шла по берегу моря, а за ней, несмело семеня ножками, топала маленькая девочка лет

трех. И как не стремилась Мира взять ее за руку или обнять, не могла дотянуться до ребенка. Мира знала — это ее дочь. Это ангел, которого ей не дано родить.

Будильник не прозвенел, а Мира очнулась от громкого стука в дверь. За окном вечерело — она проспала примерно часов двадцать. На пороге стояла подруга Туся. Ещё со школы Наташка звалась Тусей. Она была круглая, румяная, добрая и привлекала к себе внимание длинными кудрявыми волосами и милейшей детской улыбкой. В свои тридцать шесть она так и не вышла замуж. Детишек не нажила, но сердцем чувствовала, когда Мирославе нужна помощь.

Туся знала все. Едва увидев Миру, поняла — подружка больна. Градусник тревожно показал тридцать восемь и восемь. Туся не спрашивала ни о чем, она просто и уложила подругу спать, напоив горячим молоком с медом. Сама же села рядом в кресло начала читать вслух любимый обеими девушками роман «Унесенные ветром».

Утро разбудило грохотом дверей подъезда и трелью мобильного. Спасенная Мирой собака родила четырех кутят. Мира заплакала. А потом всхлипнула, схватилась за сердце и согнулась. Ни минуты не медля, Туся позвонила в «скорую помощь». Мгновенья стремительно таяли, лицо Миры бледнело, а помощи не было. Туся решительно барабанила в двери соседних квартир. И чудом достучалась до соседа — дальнобойщика Мишки. Он в аккурат только из рейса вернулся. Прочувствовав серьезность ситуации и просканиро-

вав глазами Миру, Мишка накинул на майку пухан и, схватив в охапку соседку, мигом домчал ее до соседней больницы, лихо управляя выдавшим виды УАЗиком.

В приемном покое внеплановую пациентку долго не хотели принимать. Но Туся не была бы Тусей, если бы «не поставила на уши» весь персонал клиники. Она буквально заставила принять стремительно белеющую подружку.

Врачи диагностировали острую, сердечную недостаточность и ближайшие три недели Мира провела в больнице. Ивану попросила не сообщать о своем местоположении. Ее просьба была выполнена.

Накануне выписки позвонил Андрей Леонидович и сообщил о благополучной судьбе всех спасенных ей кутят. А вот мама завтра отправится в приют, для нее не нашлось добрых рук. Держать собаку в клинике — возможности больше нет. Ни секунды не сомневаясь, Мира выпалила, что сама заберет собаку, надо только подождать денек.

Никто не пришел встречать Миру из больницы. За несколько дней до выписки Туся принесла зимнюю одежду и обувь. Домашний халат и тапочки для возвращения домой по заснеженному городу не подходили.

Выйдя из больницы Мира долго не могла надышаться морозным воздухом. В голове бурлили идеи, одна чуднее другой. Прогулка по больничному парку пошла ей на пользу. Полчаса в маршрутке и Мирослава переступила порог свое-

го дома. Везде было чисто убрано, в кухне на столе лежала записка:

«С началом новой, зимней жизни», а вокруг сердечки, снежинки и поцелуйчики. «Ну, это же Туся» — подумала Мира и, с жадностью выпила стакан теплого молока с корицей и медом.

В куртке затрещал мобильник. Громкий голос Андрея Леонидовича сообщил, что такса ждет свою новую хозяйку до семнадцати ноль, ноль. Мирослава уже и забыла про обещание забрать собаку, но раздумывать долго не стала. Мигом влезла в пуховик, угги, накинула капюшон и стрелой метнулась в звериный лазарет. Успела. В шестнадцать сорок пять Мирослава стояла на пороге ветеринарного кабинета.

— Пришла, все — таки. А я уж и не ждал, — медленно пропел Андрей Леонидович.

— Ну, пойдём, познакомлю вас!

Они долго шли больничными коридорами, пока не попали в уютный во всех смыслах подвальчик, где в небольших вольтерах лежали и сидели пациенты клиники. Последний вольтер занимала найденная Мирой таксомама.

Андрей Леонидович церемонно наклонился и сказал:

— Ника, знакомься это твоя новая хозяйка — Мира. И, ты Мира познакомься. Пришлось дать кличку твоей знакомой, надо же было три недели как — то обращаться к пациентке. Береги ее, она почти с того света вернулась. Собака стерилизована, пока не доверчива к людям. Вот тебе пово-

док и идите с миром. Надеюсь, вы подружитесь. По вопросам воспитания звони Павлу, он мне с ней помогал. Видимо, хлебнула она в жизни горяшка, не верит людям.

Врач замолчал, а Мира взяла дрожащую псину на руки и сказала:

— Пожалуйста, доверяй мне, я тебя не предаю.

На улице Мирослава поняла, что Ника мерзнет. Пришлось закутать ее в свою куртку и на такси возвращаться домой.

У Мирославы не было ничего собачьего. Ни корма, ни пальто, ни лежанки для новой жительницы.

Ника несмело пошла осматривать квартиру. Заглянув во все углы, вернулась к хозяйке и села перед ней, положив морду на колени. «Гладь меня» — как бы говорила глазами собачка. Мира гладила и чесала за ушами прильнувшую к ней Нику.

Позвонила Туся, спросила можно ли приехать. Мира попросила по дороге заехать в зоомагазин и купить еды для Ники, а ещё лежанку и поводок. Прежний нужно было вернуть в зообольницу.

Подруга примчалась через час. Как всегда, лицо ее светилось найдобрейшей улыбкой. Просидели за столом за полночь. Все это время Ника крутилась на своей новой лежанке и по очереди подбегала к каждой из девушек. Благодарила, наверное.

Несмотря на уговоры, Наташа уехала домой, а Мира ещё

долго сидела за столом на кухне. Ей было над, чем подумать.

Отпуск, продленный из-за больничного, заканчивался через три дня, надо было возвращаться в офис. Коллеги звонили, много накопилось дел, с которыми разобраться могла лишь Мира.

На следующий день, вызвав такси, Мира с Никой поехали за покупками, нужно было купить собачье пальто. Без него никуда. Выбрав обнову по размеру, компаньонки отправились гулять в ближайший парк. В будний день там было пусто и тихо. Ника смело шла на поводке рядом с новой хозяйкой, частенько отвлекаясь от прямого пути по своим собачьим делам.

«Где сейчас Ваня», — думала девушка. Может уже и нашел ей замену.

Вдруг Ника дернула поводок и вырвалась. Мирослава в нерешительности застыла. Не шевелясь, смотрела в след убегающей Нике. Надо было звать, кричать, а она не могла. Как цепями сковало с головы до пят. Язык онемел. Заплакав от бессилия, Мира присела на занесенную снегом лавочку. Вдруг откуда-то с веселым, звонким лаем выбежала Ника. Она скакала и кувыркалась в сугробе, тянула за штанину хозяйку и прыгала на нее, пытаясь достать лицо. Собачье веселье передалось Мире, она шептала обнимая собаку:

— Вернулась умница моя, вернулась хорошая моя. Не бросай меня, пожалуйста. Ты нужна мне сейчас больше, чем я тебе.

Ника послушно влезла в ошейник и бодро зашагала рядом с хозяйкой по направлению к дому.

Три дня прошли в прогулках и играх. Ника оказалась доброй, подвижной собакой. Непонятно откуда она притащила теннисный мяч. После броска тащила его Мире с новой просьбой отправить ее на поиски игрушки.

В понедельник, покормив и выгуляв собаку, Мирослава ушла на работу, а вернувшись, была очень удивлена. В ручке двери торчала записка. А за дверью весело тьякала Ника. Мирослава почему-то побоялась читать письмо, медлила и не могла предположить от кого оно.

Мира медлила с чтением записки. Вдруг там что-то страшное и неприятное. Ее сердце не выдержит очередной беды. Поэтому решено было сначала накормить и выгулять Нику.

Мирослава едва успела открыть дверь, собака кинулась к ней, добродушно скуля. Мира долго гладила и успокаивала животное, опасливо погладывая на неожиданное письмо. Все же сначала гулять, а потом может, легче будет принять все плохое, что ее ждет. В хорошее как-то не верилось.

Гуляли долго, погода радовала хрустящим снегом под ногами и легким, приятным морозцем. Было уже девять вечера, когда Мира вернулась домой. Глубоко вздохнув, она развернула записку.

«Мирослава, прекратите мучить животное, собака выла весь день. Мой малыш был лишен дневного сна. Если не при-

мите меры, я буду жаловаться. Ваши соседи»

Девушка не знала, как реагировать. Этого ли она страшилась или ждала весточки от Ивана. Ночью Мира не сомкнула глаз, сон не шел. Решила поговорить с соседями и попросить подождать недельку, пока Ника не привыкнет к новому порядку жизни.

Утром Мира обошла все квартиры на своей площадке, этажами выше и ниже. Просила немного потерпеть. Люди кивали головами, вроде бы соглашались, но гарантировать никто ничего не мог. Двери открыли не все. К вечеру Мирослава ожидала снова получить «привет» от жителей подъезда.

Вторник, среда и четверг прошли спокойно. А в пятницу в двери оставили пять записок. Одна из них была угрожающего содержания: «Реши проблему с псиной, а то я решу с тобой и с ней. Достала она днем арии выводить».

Мира плакала сидя на коврикe в обнимку с Никой, а та лизала ей лицо.

— «Нет — я не отдам собаку никому, я буду бороться и смогу победить», — думала девушка.

Затем набрала номер Павла и описала ситуацию. Пашка не мог ей помочь, так как был в командировке, в другом регионе, но посоветовал позвонить Галине, его коллеге по приюту.

Мира так и сделала. К счастью Галина пообещала приехать на встречу в субботу.

Субботним утром Мира собрала Нику на прогулку. В подъезде ей встретился неприятного вида мужчина. Схватив ее грубо за рукав, спросил:

— Читала?

— Аха, — ответила Мира.

— Усекла, что добром это не кончиться, если не избавишься от этой, — он брезгливо показал пальцем на Нику.

Мирославу колотило так, что она не могла вымолвить ни слова. Вдруг она качнулась и упала прямо мужчине на руки. Она до сих пор не понимает, как это вышло. «Злой» сосед схватил ее, аккуратно положил на ступеньки и, начал хлопать по щекам причитая: «нельзя же так, погорячился я. Эй, очнись». Ника беспомощно бегала рядом, пиная мокрым носом руки хозяйки и подскуливала.

Вскоре около Мирославы собралось целое собрание единомышленно решившее, что дают Нике и Мире срок до следующего понедельника, чтобы замолчать или покинуть спокойный до появления таксы подъезд. До этого времени записок писать не будут. Миша — дальнобойщик, тот, что отвез Миру в больницу, твердо стоял на стороне Миры и говорил: «нельзя взять и выбросить в один день живое существо на улицу. А найти добрые, ответственные руки нужно время». Смог таки убедить накинувшихся на нарушителей спокойствия соседей подождать. В знак благодарности Мирослава позже подарила ему красивый, теплый свитер.

Встав на ноги, Мира попрощалась со всеми и медленно

ступая, вышла на улицу. Ника, вырвавшаяся из поводка в подъезде, спокойно шла рядом, весело махая хвостом.

Галина оказалась высокой, красивой женщиной с явной военной выправкой, правильно поставленным голосом и речью.

Узнав Мирину историю, поблагодарила:

— Спасибо, что ты ее вообще просто на улицу не выкинула или в приют не сдала. Ну, что ж! Будем работать. Время у тебя есть, даже больше недели.

Получив рекомендации от кинолога и внимательно просмотрев занятие с Никой, Мира попросила найти для них время в воскресенье. На прощанье спросила — сколько нужно заплатить за занятия.

Галина попросила дождаться результата, а потом говорить об оплате.

Всю вторую половину субботы и воскресенье Мирослава провела в хлопотах с собакой. В финале выходных позвонил Иван и робко спросил про Мирины дела. Не было настроения рассказывать про все злоключения прошедшего месяца, поэтому Мира радостно ответила: «нормально». Сейчас она действительно так чувствовала, в ней жила надежда, что Ника не будет мешать жителям дома и все, наконец, наладиться.

Иван нашел работу в другом городе, старался начать новую жизнь. Один или нет — подробностей не сообщил, да и, какая разница — думала Мира. После разговора с бывшим мужем она почувствовала легкость. Не было прежней

боли. Только, иногда, как укол иголки в памяти всплывало какое-то воспоминанье, ныло сердце.

— У него новая жизнь и у нас новая. Вот и все Ника. Нам вдвоем хорошо, правда? — разговаривала Мира с таксой.

Следующая неделя была заполнена тренировками, выполнением предписаний кинолога. Встречавшиеся в подъезде люди спокойно здоровались с Мирой. Недовольства никто не высказывал. Мирослава с нетерпением ждала «контрольного» понедельника и спешила в этот день домой, как никогда.

Перед подъездом Мира встретила «злого» соседа, поздоровалась. Он остановился, затем промямлил:

— Ты, это — извини. Она уже не так воеет. До этого дети уроки учить днем не могли, а грудничок не спал. Мама старая, больная тоже переживала, думала, ты издеваешься над зверьем.

— Спасибо за терпение, низкий поклон вашим родным. — Неровным голосом произнесла Мирослава, пожав руку строгому мужчине. Боясь расплакаться, Мира побежала дальше, а за ней ринулась Ника, радостно лая и прыгая.

Год подходил к концу. На корпоратив Мира не поехала, вместо этого отправилась кататься на лыжах в парк, а Ника не отставая, а то и перегоняя, неслась рядом. Им было хорошо вдвоем, морозный воздух пьянил, а быстрое движение увлекало и радовало.

Подходя к дому, Мирослава заметила знакомый силуэт. «Не уж то Ваня вернулся» — подумала она и остановилась. А

надо ли ей сейчас это. Хочет ли она видеть его, обсуждать что — то. Не понятно, что делать? Эх, была, не была — пойду.

Девушка с собакой стремительно приближалась к дому. Парень, стоявший у подъезда, неожиданно обернулся и удивленно улыбаясь, спросил:

— Это твой песель? Ой, привет! Здорово!

Мира смущенно кивнула. Она была благодарна за такое простое и легкое начало разговора.

Иван опустился на колени и стал гладить собаку.

Потом встал, отряхнулся и спросил:

— Может, пройдемся, надо поговорить.

Мирослава согласно «дакнула» и втроем они потихоньку побрели вдоль улицы. После минутного молчания Ваня заговорил.

— Мира, я был неправ. Прости меня! Дело в том, что я прошел медицинское обследование, на которое ты меня так долго уговаривала. Это у меня проблемы, а не у тебя. Но, в общем, все излечимо и я прошу дать мне шанс. Вернее дать нам шанс начать все сначала. Я предлагаю снова жить вместе, пойти на курсы приемных родителей и взять ребенка из детского дома... Вот, сказал. Долго не мог решиться на этот разговор. Но за время расставания так и не посмотрел ни на одну девушку. Думал, как вернуться и с чего начать.

Иван остановился и долго всматривался в глаза жены. А Ника послушно присела поодаль, как будто не хотела нарушить важность момента.

Ваня продолжил:

— Я не жду от тебя быстрого решения, подумай. Если не захочешь, я все пойму и приму, я это заслужил. Я не должен был уходить. За это время я многое понял и осознал, кроме как предательство по-другому свой поступок назвать не могу.

Ваня замолчал, глянул на Нику и на прощание потрепал собаку за ухом.

Уже удаляясь, крикнул:

— Буду ждать весточки — звони, пиши, я на связи.

Иван помахал рукой и растворился в вечерней мгле.

Мира неспешно брела домой, Ника трусила рядом, изредка заглядывая в лицо хозяйке.

— «Что теперь? Как быть», — думала Мира. — «Вроде и надо сойтись и детей Ваня готов воспитывать, а тревожно как — то. Ладно, подумаю».

Утром Мира отправилась в магазин. Она любила покупать подарки. Долго выбирала, представляла эмоции адресата и предвкушала радость от увиденного зрелища. Не задумываясь, как будто, так и надо, Мирослава купила подарок и Ване. Это была сумка для ноутбука, добротная, кожаная, с запахом нового материала и зовущая что — то положить внутрь.

По дороге домой Мирослава позвонила Ивану и пригласила его завтра возвращаться и встречать Новый год.

Мира готовилась к празднику: убиралась, наряжала ель, готовила любимые Ваней вкусности, выбирала наряд. Ника

бестолково крутилась под ногами, не понимая праздничной суеты хозяйки. Правда, под наряженной, искусственной елкой ей было удобно лежать и смотреть на мерцание гирлянд.

В последний день уходящего года Мирослава была готова начать все сначала.

Ваня не пришел ни в шесть, ни в семь, ни в одиннадцать вечера. Телефон был недоступен, а звонить друзьям Мира постеснялась. Вдруг Иван передумал.

Мирослава не плакала. Стоя у окна, она смотрела на салюты, гремящие со всех сторон и, думала: " что — то год опять не задался». Ника боялась и пряталась под диваном, иногда лаяла, скулила. Часам к трем грохот закончился, решено было выдвинуться на улицу.

Во дворе дома жители накрыли стол, звучала музыка, люди пели и танцевали. Бегало много детей. Мира прошла мимо, поздравив тех, кто поздоровался с ней. Разговаривать не хотелось и они с Никой пошли в парк.

Видя грусть хозяйки, Ника, как могла, старалась развеселить ее. Скакала, кувыркалась в снегу, лаяла. Мира была благодарна этому живому существу, что резвиться в сугробе. А, что же Иван? Испугался? А может, случилось что?

Когда Мирослава вернулась с прогулки, во дворе уже не было никого, на улице светало.

От усталости девушка и собака уснули сразу. И Мире снова снился все тот же сон. По берегу моря за ней ковыляла трехлетняя кроха.

Пробуждение было тяжелым. Болела голова, мысли путались. Если бы Миру спросили, как она себя чувствует, она бы ответила — разбитой и усталой.

Ника просилась на прогулку. Пришлось пойти, хоть и не хотелось.

Едва вышли из дома затрещал мобильник и незнакомый женский голос спросил:

— Вы жена Ивана Зотова? Здравствуйте!

На секунду Мире показалось, что это неведомая ей любовница мужа. Это она помешала им встретиться вместе Новый год. Но безразличие и холод в голосе незнакомки говорили о другом.

— Ваш муж в больнице. Вчера он получил черепно-мозговую травму. Сегодня пришел в сознание и просил вам позвонить. Приезжайте. Или он сбежит сам к вам. А это для него сейчас опасно. Приезжайте!

Женщина представилась дежурной медсестрой, продиктовала адрес больницы и бросила трубку.

— Ну, вот! Все гораздо прозаичней, чем я думала. Поеду в магазин и к Ване. — Проговорила Мира, глядя в глаза собаке.

Нике пришлось остаться дома. Такса понимала, что произошло событие не на шутку встревожившее хозяйку. Чтобы не мешать, Ника, свернувшись калачиком, улеглась на лежанку. Из своего угла она спокойно наблюдала, как Мирослава носиться по квартире собирая вещи.

В палату ее пустили не сразу. Мира решила позвонить по номеру, с которого ей поступил звонок. Ответила все та же медсестра. Она и встретила Миру в помещении для посетителей.

— Пойдемте, только не волнуйте его. Сейчас нельзя. Нужен полный покой, — отстраненно, дежурным тоном пропела медсестра.

Ваня в палате лежал один. Лицо его было бледным, голова перебинтована. Глаза закрыты. Медсестра поднесла палец к губам, тихонько подставила стул. Осторожно шепнула на ухо:

— Посиди пока не проснется, не буди. Намаялся он за ночь, кричал. Звал Миру, спасал бездомную кошку. Сиди, пошла я.

Вот тут лежит мой муж. Два дня назад я была готова принять его снова, а сейчас. Что изменилось, стремление к новой жизни перегорело в огне ожидания Новогодней ночи. Он не виноват, что получил по голове или виноват. Кто его так отделал? Ладно, пришла уж, сижу. Да и нужна я ему, видимо, он мне тоже, раз прилетела, бросив все.

Задумавшись, Мира не заметила, как Иван открыл глаза. Он рассматривал ее. Потом кашлянул, улыбнулся и сказал:

— Прости, я испортил тебе праздник... Боюсь представить, что ты могла подумать. Я шел к тебе, увидел, как подростки мучают кошку. Ввязался в драку, отобрал. Один из них стукнул меня по голове, я даже не понял чем. Я упал,

кошка была подо мной. Живодёры испугались и убежали. Я отвез бедное животное в ближайшую зообольницу, заплатил деньги и обещал забрать кошку после выздоровления. Ветеринар и увидел кровь у меня на голове. Потом я потерял сознание, очнулся уже здесь. Вот собственно и все... Спасибо, что пришла и выслушала. Мне было важно, чтобы ты не думала обо мне хуже, чем я есть. Страшно представить даже на мгновение, если бы ты решила — что я испугался, передумал. Мира навести, пожалуйста, проверь мою кошку. Она трехцветная — на счастье. Твоя Ника ее полюбит, ну, пожалуйста... В кармане куртки лежит визитка врача.

Мира плакала, она никогда не видела Ваню таким. Это был жесткий, эгоистичный, красивый, избалованный парень. А тут на тебе — сопли по израненной кошке. Мирослава даже подумала — не последствия ли это удара по голове. Ей легко было поверить, что муж ввязался в драку, трусом он не был. Но спасти кошку — это точно не про него.

Вошла все та же медсестра и попросила Мирославу на выход. Мира, как любящая жена, поцеловала на прощанье Ваню и, пообещав узнать как дела у спасенной кошки, вышла в коридор.

Санитарка принесла куртку. Визитка была на месте. Прочитав адрес, Мирослава поспешила к ветеринару. Мира поблагодарила медсестру, поздравила с Новым годом, подарила шоколадку. Странно, она совсем забыла про праздник, только наряженные елки и яркие огни на улице напоминали

о празднике. В душе царила непонятная печаль.

Мира долго нажимала на звонок двери ветеринарной клиники. Наконец дверь открыла нетрезвого вида дама лет пятидесяти. Мирослава просила показать доставленное мужем животное и рассказать о ее здоровье. Женщина ничего не могла связно сказать, но и забрать трехцветную, перебинтованную кошку не помешала. Особенно после того, как в ее руке захрустела новенькая, тысячная купюра.

Девушка села в такси и через час стояла на пороге клиники Андрея Леонидовича. Ей опять повезло, окончив дежурство, врач ещё сидел со сменщиком и обсуждал встречу Нового года.

— Мира, ты записалась в спасатели животных, — весело спросил Андрей Леонидович.

Мира рассказала, что знала, попросила посмотреть кошечку. Доктора тихонько разговаривали, осматривая страдалицу. В результате пришли к выводу, что помощь оказана квалифицировано и они знают ветеринара оказавшего ее. А женщина, всего лишь санитарка или уборщица, видимо, тоже Новый год встречает. Андрей Леонидович позвонил коллеге спасшему кошку, и, поздравив его с праздником, сообщил о похищении пациента. Разговор закончился на веселой ноте, решено было оставить больную у Андрея Леонидовича и дать ей имя.

Мирослава назвала ее Соня.

Через десять дней Соня уже спала на Никиной лежанке.

А собака сидела рядом и осматривала новую, пушистую соседку. Драки не было. Было взаимное недоверие и немного шипения. Дальше каждая стала жить, в упор не видя другую мохнатую морду.

В середине января выписали из больницы Ивана. Он вернулся в шумную квартиру Миры. Сначала Ника относилась к новому жильцу с недоверием, а недели через две уже слышала его шаги на лестнице и с поводком в зубах сидела у порога. Ваня, тяжело вздохнув и, поборов голод после трудового дня, обреченно шел на прогулку. Но возвращался веселый и довольный, так же как и Ника.

Соня поправилась, обросла пухом. Стала настоящей красавицей. Она продолжала прихрамывать, но несмотря на это, быстро удирала от расшалившейся Ники.

Первого февраля начались курсы для приемных родителей. Параллельно стали собирать справки и оформлять документы для усыновления. Но до окончания курсов решили детишек не смотреть. Тем более дом малютки был на соседней улице. Иван с энтузиазмом ходил на каждое занятие, хмурился, когда Мира опаздывала после работы. А Мирослава не узнавала своего мужа, посмеивалась над Ваней:

— Как удачно тебе по голове стукнули...

К концу апреля занятия закончились. На майские праздники решено было поехать в Крым. Очень уж впечатляли фото друзей объехавших все местные достопримечательности. Но первого мая Мирославе стало плохо, закружилась

голова и она потеряла сознание, поднимаясь по лестнице в подъезде. Нашел ее все тот же «злой» сосед. Он достучался до Вани, вызвал «скорую». Поездку пришлось отменить, а на следующий день Мире сообщили, что у нее будет ребенок.

Примчавшийся пулей в больницу Ваня не мог поверить. Несколько раз переспросил врачей — нет ли ошибки. Ошибки не было, а по возвращение домой Мирослава предложила Ивану пойти в храм — поблагодарить Бога за подарок. Иван не был крещен, но крестился. Если бы Мире полгода назад сказали, что Иван креститься — она бы не поверила. Но чудеса ждут нас на каждом шагу — надо только верить.

Ангелина родилась в конце декабря. Мир готовился встречать очередной Новый год, наряжал улицы, дома и ели, а на улице мела вьюга. Мирослава стояла у окна. Ей казалось, что все праздничное убранство встречает и приветствует их с Ваней дочь, их ангела — Ангелину.

Счастливым отец готовился к встрече жены и дочери. Убирал квартиру, бегал по магазинам, устраивал «детскую». Напрочь сбитые с толку Ника и Соня не понимали этой суеты, но опасались крутиться под ногами, и сидели каждая на своем месте, с интересом наблюдая за хлопотами хозяина. Несколько раз он забывал их покормить. Ника приносила Ивану пустую плошку и хозяин, хлопнув себя по лбу, бегом бежал к складу кошачьей — собачьей еды. Через минуту зверюшки были накормлены.

Тридцатого декабря Ангела принесли домой. Оба питом-

ца с интересом рассматривали маленькое, крепкое закутанное, попискивающее существо. Родители готовились проводить этот, самый счастливый год в их жизни.

Ночью Соня устроилась на краешке кровати, где спала девочка, а Ника, которая не хотела пропустить ничего важного, храпела на коврик рядом с ангельской люлькой. Мира и Иван отмечали праздник рождения Ангела в их семье и наступление Нового года. Под бой курантов, чокаясь бокалами с молоком, новоиспеченные родители решили — это будет самый лучший год.

Пролетело три с половиной года. Ваня сидел в кафе с ноутбуком — работал. В сумке для путешествий ноута, что подарила Мира, звякнул мобильник. Увидев новое видео от жены с дочкой, отдыхающих на море, Иван счастливо заулыбался. В кадре красовался красивейший закат. По кромке моря шла Мирослава, а за ней, неловко перебирая ножками, шла маленькая, кудрявая девочка, похожая на Ангела — их дочь Ангелина.

Я сделаю это за нас

Когда умирает любимый

Шура сидела в больничном коридоре и думала.

— «Ну, вот и все, закончилась моя семнадцатилетняя жизнь. В палате за стеной умер ее любимый Егорушка. Ни дорогостоящее лечение, ни лучшие врачи не спасли парня от рака крови. А ей, теперь, зачем жить ей?»

Она, неспешно, встала, пошла к лестнице. Открыла окно, прикинула:

— «Девятый этаж, нормально, достаточно, чтобы упасть и умереть».

Шура стала медленно подниматься на подоконник. Вдруг за спиной услышала шорох, увидела стоящую на коленях бабушку Егора — Тамару. Пожилая женщина жалобно просила:

— Шурочка, не бросай, хоть ты меня. Как я жить буду? Без Егорушки, без тебя? Ради меня, подумай, ты туда всегда успеешь.

Вслед за бабушкой вышел отец Егора — дядя Миша:

— Слезай, Егор умер, а ты цени, что тебе жизнь досталась, живи. За него и за себя, — сказал мужчина и снял Шуру с окна.

Потом отвернулся, вытер слезы и ушел беззвучно рыдая. На его руках несколько минут назад умер Егор. Он лежал на спине и вдруг попросил отца помочь перевернуться на бок, сказал, что сам не может. Больно ему. Дядя Миша подхватил сына, поднял, чтобы перевернуть, а Егорка вздохнул и сказал:

— Папа, прощай. Позаботься о Шуре и...

Слов больше не было, он умер у отца на руках.

Шура ходила за водой. Потом она поняла, что Егор специально отослал ее, знал о приходе смерти.

Шурочка уже возвращалась с водой, когда увидела сидевшего на лавочке, у палаты дядю Мишу. Мужчина смотрел в одну точку, ни на что не реагируя. Рядом с Егором сидела баба Тома, которую он ласково звал «баушка». Никто в жизни не любил его больше чем она. Сейчас, сидя рядом с мертвым внуком, она жалобно причитала:

— Внучок мой, Егорушка, освободился, милый. Теперь не больно, теперь покой и тишина. Спи мой любимый Егорушка, спи сынок.

В коридор влетела мать Егора, Евгения Викторовна. Она стояла на пороге палаты и не могла ничего сказать. Она не плакала, просто смотрела. Потом отвернулась к стене и стала колотить по ней кулаками, крича:

— Ну, за что? Почему? Чем я провинилась?

— Ты знаешь чем, не голоси, тут рядом больные, дай им покоя. Не напоминай им о том, что с ними может тоже слу-

читься. — Отстраненно пробубнила Тамара Ивановна.

Шура подошла, посмотрела на Егора полными слез глазами, погладила его по голове. Потом поцеловала и прошептала:

— Не случилось нам дом построить и детей воспитать, я знаю, ты этого очень хотел.

Позже произошла не удачная попытка суицида, когда Егора увезли и все ушли вместе с ним.

Шура поклялась памятью любимого бабе Томе и отцу Егора, что чтобы не случилось, она будет жить и бороться за жизнь несмотря ни на что.

Тамара Ивановна забрала Шуру с собой. «Баушка» не переставая, бесшумно плакала, сейчас только Шурочка могла быть ей опорой, потому что все остальные занимались похоронами.

В холле больницы дядя Миша передал незаметно Шуру письмо, она поняла без слов. От Егора.

Шура не могла дождаться, когда останется одна, чтобы прочитать последнее слово любимого Егорушки. Проводив Тамару Ивановну до квартиры и уложив в постель, она села на лавочке у подъезда и развернула письмо. Шура сразу узнала почерк любимого.

«Шура, когда ты будешь читать это письмо, меня уже не будет. Я уйду далеко, оттуда не возвращаются. Я решил написать тебе, когда понял, что мне не выжить. Грустно умирать в двадцать лет. Но я хочу поблагодарить тебя за три года

жизни, которые мы были вместе. Ты моя единственная девушка. Я любил всем сердцем и до самого последнего вздоха. Мы строили с тобой планы. Хотели отремонтировать старый дом, пожениться, воспитать детей. Я мечтал сделать тебя счастливой, но пока сделал тебя несчастной. Прошу тебя, пожалуйста, живи. Живи всем сердцем и душой, дыши полной грудью. Радуйся каждому дню, солнцу, дождю и снегу. Жаль, что я понял это поздно и изменить ничего уже нельзя. Тебе семнадцать. Выходи замуж, роди детей, воспитай и сделай все то, о чем мы мечтали. И за меня тоже. Позаботься о бабушке, не давай матери кричать на нее, заступайся. Как бы ни сложилась твоя жизнь, благодари Бога за каждый день, борись за своё счастье, не падай духом и не сдавайся. Я очень хотел прожить свою жизнь вместе с тобой, я прожил ее до конца с тобой. Благодарю! Видит Бог, я боролся до последнего вздоха. Я терпел боль, чтобы не пугать вас, мои любимые. Мне было больно, но я улыбался. Все что я мог — это поселить в ваших сердцах надежду на моё выздоровление. Может это и не правильно, но я хотел видеть улыбки, а не слезы. Шурочка, прощай и помни меня. В тяжелые дни вспоминай, как я любил тебя и жизнь, будь счастлива.

Твой Егор»

Дальше была дата и подпись. Письмо было написано за неделю до смерти. Шура заплакала, скорбь комком стояла в горле.

Мимо шли друзья Егора, они знали Шуру и подошли

спросить, что случилось:

— Егор умер, его больше нет..., едва смогла вымолвить Шура, зарыдав громко в голос, сдержаться сил больше не было.

Никто из ребят не подозревал, что Егор смертельно болен и большую часть времени проводил в клинике, все думали — он на учебе в областном центре.

Решили завтра зайти к бабе Томе, чтобы предложить помощь. Очень часто друзья собирались в ее двухкомнатной квартире и все ей были хорошо знакомы. Парни учились с Егором в одной школе, жили в одном дворе. Сегодня было уже поздно, вместе пошли провожать Шуру до дома. Говорить не хотелось, молчали. Никто не мог поверить, что весельчака Егора, души их компании, больше нет. Мысль эта не укладывалась в юношеских головах. Для многих это была первая, серьезная потеря.

Шура села в прихожей на лавочку и уставилась в угол, так прошло часа два. В двенадцатом часу пришла мама с вечерней.

— Спать ложись, завтра в училище с утра или опять в больницу поедешь? — неласково сказала мама.

— Не к кому мне больше ехать в больницу, умер он, — задумчиво сказала Шура.

— Батюшки, прибрал Господь, вот горе — то, — запричитала матушка.

Они прошли на кухню, мама разлила по чашкам чай и ска-

зала:

— Ты прости меня дочка, но не пара он был тебе. Матушка его, Евгения не дала бы вам вместе жить. Он из обеспеченной семьи, а мы из «простых» — фабричные. Она к тебе относиться спокойно стала, когда поняла, что больному ее сыночку кроме тебя никто не нужен. Поправился бы Егор, забыли бы про тебя благополучно, — грустно сказала мама.

— Да, что теперь рассуждать, нет его мама, больше нет, — беззвучно сказала Шура и пошла в свою комнату.

Она легла на кровать и закрыла глаза. Поплыли картины прежней жизни.

В самом начале

Вот они знакомятся. Егор пришел в компанию, где Шура с братьями встречала Новый год. Она была самая младшая, ей недавно исполнилось четырнадцать. Мать отпустила ее с братьями под их ответственность. Шура, не выпивала как другие девушки, она сидела в кресле, в углу за елкой. Скучала. Вдруг в дверь позвонили, в прихожей зазвучали радостные голоса, все приветствовали Егора и его спутницу. Девушку звали Роза. Она была слегка «на веселее» и тут же, хлебнув бокал красного вина, пустилась в пляс с другими, не совсем трезвыми гостями. Егор выпил водки и неожиданно встретился взглядом с Шурой. Она не отвела взгляда, а стала рассматривать его с интересом. Юноша был слегка полноват. На круглом румянном лице сияли добрые синие глаза. А губы всегда улыбались. Но больше всего Шуре понравились русые кудри Егора, она с завистью подумала — вот бы мне такие. С минуту играли в гляделки. Потом Егор спросил хозяина квартиры про Шуру. Видимо, получил исчерпывающий ответ и решил подойти. Они познакомились. Шурочка краснела и стеснялась, не могла говорить от волнения. Она была очарована этим веселым простым парнем. Тем временем спутница Егора на кухне уже целовалась с другим парнем. Шура спросила, не смущает ли Егора такое поведение его подруги. На что Егор ответил, что Роза не подруга. Она друг,

у нее нет парня. Она самостоятельная единица. Зазвучала красивая, медленная песня «Why» и Егор пригласил Шуру на танец. Она никогда не танцевала с парнями, очень боялась и дрожала от страха. Но танцевать пошла. Эта песня на три года стала их песней.

— Шура, можно я попрошу братьев отпустить тебя. Пойдем, погуляем. Поговорим. Тут душно и шумно, — попросил Егор.

Девушка радостно кивнула.

Братья наказали Егору вести себя порядочно и проводить их сестру, куда попросит, если разговор и знакомство не заладятся. Ребята оделись и вышли на улицу. Стояла тихая, морозная ночь. Падал легкий снежок, он же скрипел под ногами. Шура боялась нарушить тишину глупыми разговорами. Егор тоже молчал и они брели по аллее, держась друг от друга «на пионерском расстоянии». Только под конец взяли за руки.

— Где ты живешь? — поинтересовался Егор.

— Мы далеко ушли от дома, — ответила Шура.

— Ну, и что, я провожу тебя.

Домой они пришли к пяти утра. Братьев ещё не было дома. Прощаясь, Егор спросил:

— Может, в кино вечером сходим, я попрошу твоих родителей.

Шура по обычаю кивнула и зашла в дом.

Она закрыла за собой дверь, прислонилась к ней, думая:

— «какой он странный. Не похож на других, не матерится, вежливый, не старается выглядеть старше, не употребляет «блатных» словечек. В общем, не похож на парней, которых раньше знала Шура.

Шура стала укладываться спать пришли слегка нетрезвые братья Иван ровесник Егора и Илья девятнадцати лет. Они стали спрашивать Шуру, куда они пропали. Шура все рассказала, как есть и уснула. А братья ещё долго гоготали в соседней комнате, обсуждая события новогодней ночи.

Шура проснулась в два часа дня. Мама на кухне варила щи. Шура спросила, не надо ли чем помочь, мама отказалась. Тут в калитку постучали. Мама вышла, чтобы открыть, а вернувшись, сказала:

— Саша, к тебе кавалер.

Егор вошел следом за хозяйкой и, поздоровавшись, спросил:

— Позвольте вашей дочке пойти со мной в кино?

— А, ты, чей будешь? — задала вопрос Шурина мама.

Егор все обстоятельно о себе рассказал. Затем выслушал от мамы лекцию об ответственности, ведь Шуре всего четырнадцать. Он успокоил женщину, сказав, что мама адвокат и об ответственности он знает все. Он пообещал, что к десяти часам вечера, приведет Шуру домой. На том и договорились.

Выйдя из дома, Егор предложил:

— Пойдем ко мне, я тебя в баушкой познакомлю. Может нам повезет — мать моя пойдет к кому-нибудь в гости и не

испортит новогодний вечер.

Шура согласилась.

Дверь в квартиру открыла полная пожилая женщина. На ней был новый фланелевый халат, а в волосах несколько штук бигуди поддерживали старомодную «химию». Укладка ждала своего часа. У Тамары Ивановны был удивительно молодой, звонкий голос. Она пожурила внука, что пригласил гостью, а ее не предупредил, а затем пошла на кухню — готовить угощение.

Шура вошла в комнату Егора и застыла от удивления. Все стены были оклеены разнообразными картинками. Только присмотревшись, она поняла, что это пазлы. Такое было у Егора хобби. Минут тридцать он рассказывал Шуре, как собирал ту или другую картину, какие трудности преодолевал, что двигало к цели. В каждую картину он был влюблен. Шура никогда ещё не встречала такого увлеченного человека.

Тамара Ивановна пригласила молодежь на кухню. Она напекла блинчиков, заварила чай. Заняв место за столом, ребята начали лакомиться угощением. Тут щелкнул дверной замок, в квартиру вошла Евгения Викторовна.

Тамара Ивановна заговорщически подмигнула и сказала: — Чтобы не случилось, сидим, пьем чай, мило общаемся. Евгения Викторовна влетела на кухню и громко крикнула: — Егор, ты никак невесту себе присмотрел, давай знакомь!

— Мама, познакомься — это Шура. Она сестра моих дру-

зей, мы познакомились сегодня, — стараясь быть уверенным, произнес Егор.

— Сколько вам лет, девушка? Кто ваши родители? — не церемонясь, спросила Евгения Викторовна.

— Мне четырнадцать лет, отца у меня нет, а мама на фабрике ткачихой работает. Я учусь в девятом классе, собираюсь учиться на швею в местное училище, — спокойно и просто ответила Шура.

— Ну, что сейчас выяснять, кто есть кто, давайте чай с блинами пить, вечер-то праздничный, — миролюбиво предложила Тамара Ивановна.

— Так вот, девушка! Не думайте, что если вы забеременете от моего сына, я разрешу вам пожениться. И, ты — Егор, не рассчитывай на мою помощь, если вдруг вас станет трое. Хотя, этого я не допущу, — жестко заявила мама Егора.

Шура дрожала от страха, но старалась изо всех сил не показать этого. Она собрала в кулак все свою решительность и сказала:

— Простите, что возражаю, но у вас очень далеко идущие планы, даже у меня таких нет, — тихо дрожащим голосом сказала Шура.

Ей хотелось убежать из этой квартиры и больше никогда не встречаться с Евгенией Викторовной.

— Ладно, время покажет. Увидим, кто кому и кем придеться будет, я пошла в гости! Мама, Егор в прихожей ваши подарки. А вам, девушка лучше не попадаться мне на глаза,

— победно заявила Евгения Викторовна.

Егор встал, жестом показал, чтобы бабушка и Шура остались и, прикрыв дверь на кухню, отправился за матерью. Егор говорил громко, чтобы Шура с бабкой слышали его слова:

— Мама, я ценю твою заботу, но прошу не вмешиваться в мои дела, я сам разберусь. Надо и женюсь, и из дома уйду, и на работу устраюсь, и квартиру сниму. Я сам отвечаю за свои поступки. Я сам несу ответственность за свою жизнь.

— Ну, ну совсем взрослый стал, уж и поучить нельзя, — как бы извиняясь, сказала Евгения.

— Можно, только людей обижать не надо, Шуру не трогай, если я что решу, это будет мой выбор, — ответил Егор.

Он вернулся на кухню, продолжил пить чай с вкуснейшими бабушкиными блинчиками.

Обстановка постепенно разрядилась, всем стало спокойно и весело.

Шура старалась не приходить, когда могла встретиться с матерью Егора, поэтому в гости к ней ходил Егор. Они начали дружить, проводили вместе много времени. Егор помогал Шуре с уроками, учил складывать пазлы, а она научила его пришивать пуговицы, вязать, штопать носки. Им было хорошо вместе. Легко.

Александра, как и собиралась, поступила в училище, а Егор в престижный областной ВУЗ. Он каждый день приезжал с занятий домой, шел на встречу к Шуре. А в выходные

просто жил у нее, ночуя в комнате братьев. Они вечно что — то интересное придумывали, время летело не заметно.

И в горе и в радости

За год до смерти Егора, однажды, он не приехал на выходные и неделю до этого не приезжал с учебы. Шура очень волновалась, думала, уж не влюбился ли там ее Егор. Опасения были напрасны.

Парень приехал и рассказал, что лежал в больнице и у него нашли тяжелую болезнь. Он попросил ничего не говорить никому. Решил, сам разберется. Но было уже слишком поздно. Евгения все узнала, один с однокурсников сказал ей, что давно не видел Егора на занятиях. Диагноз был неутешительным — лейкоз. Егор никогда не жаловался на здоровье никому.

Его не взяли в армию по зрению. Это было наследственное заболевание, мама с детства тоже носила очки. А он, в детстве, ещё, получил травму глаза и не только в армию идти, права на вождения авто получить не мог.

Вот тут — то снова и встретились Евгения и Шура. Евгения сначала плохо относилась к Шуре, кричала на нее, унижала, а потом, поняв, что девушка предана ее сыну всем сердцем, стала менять отношение.

Егор подозревал — ему не выкарабкаться и просил мать купить не себе что — то, а Шуре. Так и стали появляться у Шуры новые куртки, сапоги, свитера и джинсы. Евгения старалась угодить сыну, баловала Шуру. Она купила ей даже

сотовый телефон, в те годы это была редкость. Стоило Шура чего — то захотеть и, словно по щелчку пальцев, у нее появлялась желаемая вещь. Дети любили друг друга, мечтали о совместном будущем.

Шура не наглена. Говорила, что ничего не надо ей и так хорошо, был бы Егор здоров. Парень все чаще стал говорить ей, чтоб она оставила его и нашла себе здорового. Она плакала и никуда не уходила. Александра забросила учебу, она все дни сидела в больнице, у его кровати. При слабом иммунитете Егору запрещалось гулять, есть все подряд, смотреть телевизор, поэтому в наушниках он слушал музыку. А за два дня до смерти, Шура сделала для себя открытие. Она увидела кассету с надписью «Пандора» и вспомнила их песню. А он, увидев ее лицо в этот момент, испытывая сильную боль, сказал:

— Я, ее, когда слушаю, представляю, как мы с тобой танцевали в первую ночь знакомства и, потом шли по зимней улице. Мне было все равно куда идти, лишь бы с тобой. Не поверишь, в эти моменты боль отступает, становится легче, — с трудом сказал Егор.

Шура взяла себе плеер Егора и эту кассету, а после включения обнаружила, что на одной стороне несколько раз подряд была записана одна песня — их песня. В минуты горя и отчаянья она тоже слушала ее, вспоминала и, как бы, незримо соединялась с ним, чувствовала, что он рядом пусть и в другом мире.

Похороны прошли в полузабытье, Шура не плакала, она поддерживала Тамару Ивановну и успокаивала Евгению. Мать Егора то рыдала, то проявляла какую — то непонятную агрессию по отношению ко всему миру, обвиняя его в смерти сына. Шуре тоже доставалось. Но она понимала, что женщина тяжело переживает смерть единственного сына и надо простить.

Больше всего Шура боялась за бабушку и не оставляла ее ни на минуту. Она страшилась, что сердце пожилой женщины не выдержит — она умрет вслед за внуком. Первые две недели Шура жила у нее. Ежедневно вместе с Евгенией и Тamarой Ивановной ездила на кладбище, не могла отпустить одних. Каждая из них оплакивала Егора. Только через полгода прекратились частые посещения кладбища. Местный ба-тюшка их отругал, сказав, что он там утопнет в океане их слез. Горе горем, но они живы, а он ушел и ему от их слез нехорошо. Надо перестать день и ночь лить слезы. Уверовав, что только вредят своей нескончаемой скорбью Егору, дамы стали более сдержаны. Евгения погрузилась в работу, а Та-мара Ивановна старалась не демонстрировать переживания.

Друзья Егора не забывали его родственниц. Ежедневно кто — то заходил и справлялся о здоровье, предлагая по-мощь. Одного из парней бросила девушка, оставив ему на воспитание годовалую дочку. Именно эта девочка и помог-ла Тамаре Ивановне прийти в себя. Николай, ее отец, часто приводил Светлану к бабушке Егора, она ненадолго остава-

лась с ней. Евгения вязала девочке платьишки, костюмчики, покупала красивую одежду. Но для себя решила, детей в ее семье больше не будет, она не предаст память сына. Она не родит и не возьмет из детдома малыша. В ее жизни только один ребенок — ее Егорушка.

Шура много пропустила в училище, поэтому договори-лась и ещё год отучилась. Потом отлично сдала экзамены. Ей удалось устроиться на фабрику, в отделочное производство на должность швеи. За смену она шивала несколько сотен полотен суровья, чтобы ткань отбелили для дальнейшей обработки. Работала Шура быстро и качественно, никогда не отказывала начальнику в просьбе остаться ещё на смену — покалымить. Шура хотела забыть прежнюю жизнь, забыть Егора и не могла. Никто и никогда не любил ее так, как он, даже родители. Она всех сравнивала с ним и отношения с парнями не ладились. А тут новая напасть. Старший брат женился и с женой поселился в их доме. Она должна была родить, все ждали этого ребенка. Шура ей сразу не полюби-лась и Люба, так звали новую родственницу, всячески стара-лась поссорить Шуру со всеми в дому. Шура долго терпела, но, когда в доме пропала крупная сумма денег и обвинили в этом Шуру, девушка не выдержала.

Самостоятельная жизнь

Шура ушла из дома с большой сумкой, там были вещи, что купила когда — то Евгения и их с Егором фото. Девушка пришла к Тамаре Ивановне и попросила разрешения немного пожить пока не найдет квартиру. Через две недели Тамара Ивановна все же разговорила Шуру и узнала правду. Она посоветовала пойти в фабричный профком, попросить комнату в общежитии. Так Шура и поступила. Свободных комнат не было, но узнав, что работница ищет комнату, одна из сотрудниц охраны предложила Шуре пожить в ее комнате в общежитии. Сама женщина жила в другом месте.

Шура вздохнула свободно, наконец — то она может остаться одна и быть свободной. Она перенесла вещи в комнату, постепенно навела там порядок. Купила телевизор и холодильник, а Евгения подарила Шуре диван и мягкое кресло со столиком. А на Новый год Александра приобрела швейную машину в кредит. Наконец-то, сбылась ее мечта.

Придя тридцать первого декабря с вечерней, Шура легла на диван и мечтала отдохнуть, Новый год встречать не хотелось. Предыдущие два новых года Шура проплакала, вспоминая Егора и напевая песню Тани Булановой «Как жаль, что нам не быть вдвоем». Можно было пойти к Тамаре Ивановне, но Шура решила отоспаться.

Вдруг в дверь постучали, девушка не ждала гостей. Она

подошла к двери и услышала:

— Откройте, мы ваши соседи приглашаем праздновать встречу Нового года, с нами будет весело, вы не пожалеете.

Шура открыла дверь и увидела симпатичного парня. Он широко улыбался и протягивал ей бокал с шампанским.

— Собирайтесь, я подожду, — добродушно позвал незнакомец.

Шура прикрыла дверь и через мгновение открыла.

— Я пойду в этом, — невесело сказала она.

— Что же, замечательно. По мне вы выглядите сногшибательно, тем более, что к концу ночи немногие вспомнят, как выглядели другие в начале. Меня зовут Сергей, — представился новый знакомый.

Когда Шура пришла в гости, она поняла, что ее позвали не случайно, хозяйкой на празднике была дочка мастера цеха. Она недавно поселилась в общежитии, после того как мать не одобрила ее выбор жениха. Девушку звали Людмила. Она горячо поприветствовала Шуру:

— Молодец, что решилась и пришла. Гостям всегда рады!

Когда часы пробили двенадцать, Шура загадала, что в этом году обязательно выйдет замуж и будет счастливой. Сергей постоянно приглашал ее танцевать, и Шура не отказывалась. Она с удовольствием танцевала и пела вместе со всеми. Около четырех часов утра Шурочка решила вернуться в комнату и поспать. Сергей проводил, пожелал спокойной ночи и исчез в сумерках новогоднего утра. Девушка пой-

мала себя на мысли, что давно так не веселилась.

Через неделю, выходя из фабричной проходной, Шура увидела Сергея, он разговаривал с Людой. Она не хотела привлекать к себе внимание, но Люда заметив ее, крикнула:

— Шура, поедем с нами в выходной на лыжах кататься, а если не умеешь, можно с горки, я тоже, в общем-то — не умею, — пригласила Люда.

Девушка обещала подумать и пошла домой, через какое — то время Сергей ее догнал:

— Саша, вы меня совсем не помните, — спросил Сергей.

Шура удивленно посмотрела на парня, но вспомнить не смогла, где они могли встретиться.

— Много лет назад, встреча Нового года, вам лет четырнадцать, ваше знакомство с Егором, помните, — настаивал Сергей.

— Это помню, а вас нет, — задумчиво ответила Шура и пошла дальше.

— Шура, празднование проходило в доме моей сестры, а вы пришел, когда вы с Егором уходили, — рассказал Сергей.

— Может быть, но я не помню, — прошептала Шура и зашла в общежитие.

— «Разве я могла кого-то запомнить, когда там был Егор», — думала Шура.

Вот и благословили

В выходной ее разбудил настойчивый стук в дверь, Шура открыла. На пороге стояла Люда.

— Ну, ты что не с нами что ли? Собирайся, хватить вдовой жить, молодая и проветриться не грех.

Саша собралась. Лыж не было ни у нее, ни у Люды. На автобусе они добрались до окраины города. На «конечной остановке» их уже ждали ребята и девушки, приехавшие раньше.

Разделились на две группы. Одни пошли кататься на лыжах, а другие, выбрав место, стали готовить шашлык и обустройства место для посиделок. Шура решила посмотреть, как прыгают с трамплина лыжники. В спортсмене в красном костюме Шура узнала Сергея, он прыгал последним. Съезжая с трамплина Сергей сумел высоко подпрыгнуть и перевернуться в воздухе. Зрители восторженно захлопали, повторить его трюк не смог никто.

Люда толкнула Шуру и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, обрати внимание, это он для тебя так старается, хоть улыбнись!

Шура грустно улыбнулась, она представила Егора и медленно поплелась к остановке. Не получалось у нее улыбаться чужому парню. Она села на лавочку на остановке и в ожидании автобуса глаза ее устремились вдаль, а влажная пелена слез не давала увидеть линию горизонта.

— Саша, Вас кто-то обидел, — услышала она голос Сергея.

— Нет, я просто не могу, не могу, не могу, — рыдая, шептала Шура.

Она не знала, почему вдруг заплакала.

— Оставьте меня в покое, пожалуйста!

Сергей посадил Шуру в автобус и вернулся к компании.

Александра направилась к Тамаре Ивановне. Дверь ей открыла Евгения Викторовна. Видя заплаканные Шурины глаза, она схватила ее за рукав, затащила в квартиру и крепко обняв, спросила:

— Кто тебя обидел, говори. Я ему голову оторву!

Шура ничего не говорила, она всхлипывала и не могла сказать ни слова. Тамара Ивановна, гремящая посудой на кухне, крикнула:

— Идите мыть руки и давайте обедать, все разговоры отложим на потом. Выпьем по чарочке за всех живых и помянем наших усопших, а там, глядишь жизнь и наладится!

Евгения с Шурой удивленно посмотрели друг на друга и послушно пошли мыть руки. Умела баба Тома «настроить на нужный лад».

Когда Шура и Евгения Викторовна вошли в комнату, на столе уже стояли тарелки с густым борщом и три рюмочки. В запотевшем графинчике ждала своего часа яблочная наливка. Тамара Ивановна знала толк в домашних винах и с удовольствием их готовила. А по особым случаям баловала

семью и друзей.

— Так, садитесь, давайте поедим. О делах разговор будет потом, — скомандовала хозяйка.

Все сели за стол и Тамара Ивановна, разлив настойку в рюмки, сказала:

— После смерти Егорушки опустел мой дом, я прошу вас выпить за то, чтобы в нашей семье появились дети. Это относится к вам обоим. Нечего на меня так смотреть, хочу слышать детский смех и видеть счастливые лица, — она, не торопясь выпила и, закусив хрустящим огурчиком, посмотрела на Шуру с Евгенией.

Евгения и Шура тоже выпили и с удовольствием начали есть борщ. Обед закончился после третьей чарки. К чаю были пирожные, Евгения любила сладкое и всегда покупала сладости в огромных количествах.

Шура вымыла посуду. Спиртное расслабило ее, делать ничего не хотелось. Ей стало тепло и приятно.

Войдя в комнату, она услышала:

— Давай, рассказывай, что тебя так огорчило, — спросила Тамара Ивановна.

Шура рассказала о Сергее и о своих чувствах. Она уже не плакала, просто говорила, как будто не о себе. Она всегда была скрытной, видимо, настойка сделала своё дело, и девушка смогла поделиться сокровенными мыслями.

Шура не любила выпивать, считала это не женским делом. А сегодня не отказалась и не вспомнила своих принципов.

— Ясно, дело тёмное. Я вот, что тебе скажу. Нельзя жить прошлым, думай, мечтай о будущем. Ты должна жить за себя и за Егора. Выходи замуж, рожай детишек. Мы примем их как родных. У нас кроме тебя никого нет. Мы всегда поможем тебе. Не бойся нас обидеть. Это твоя жизнь и надо стараться прожить ее счастливо. Ты не должна остаться одна, — сказала Евгения Викторовна.

— Да, и смени имя. Шурой тебя звал Егор, будь Сашей, Александрой. Это поможет забыть прежнее и зажечь новой жизнью, — попросила Тамара Ивановна.

Они засиделись до ночи. Евгения осталась у мамы, а Саша пошла в общежитие. Оно находилось недалеко от дома Егора.

Роза и Сергей

У соседнего подъезда она увидела компанию ребят, многие ей были знакомы. Это друзья Егора. Там же она заметила Розу, она стала очень самостоятельной. Отец подарил ей три бензоколонки, и она вела свой бизнес, шустро колеся между объектами на новеньком джипе.

Роза ни с кем не встречалась, считала — нет достойных. Злые языки поговаривали, что она сделала все, чтобы отбить Егора у Саши.

— Привет, подруга. Как жизнь молодая? — Злобно спросила Роза.

— Спасибо, помаленьку, — тихо ответила Саша.

— Пойдем с нами в кино, на вечерний сеанс, — пригласила Роза.

Саша, чувствуя опасность, отказалась и ускорила шаг. Роза, как всегда, была немного «навеселе». Она догнала Сашу и резко повернула ее лицом к себе. Саше было больно руку, но она не показала этого.

— А знаешь ли ты, что если бы Егор не встретил тогда тебя, он был со мной. Он был бы жив. У меня были и деньги, и возможность спасти его или продлить жизнь. Как ты могла не увидеть, что он болен, как ты пропустила момент, когда его можно было ещё спасти? — Кричала на всю улицу Роза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.